

* * *

Хотелось назвать эту книгу «КАУЗАЛГИЯ».

Но так как не получилось название, придется писать предисловие.

Я узнал это слово в пятнадцать лет, и никакие врачи, никакие энциклопедические и медицинские справочники, никакие топонимические и этимологические словари не сумеют во мне перевернуть то первое, раннее восприятие этого термина, которое сформировалось в детстве. Мой старший товарищ, учитель, поэт Борис Ефремович Пильник, вернулся с фронта без ноги. И у него постоянно болели пальцы на той ноге, которой у него не было. Нога осталась где-то там, в Калининских болотах, осенью 41-го, а пальцы болели тут, в маленькой комнатке, на площади Горького, и мы, мальчишки и девчонки, молодые поэты, которые заходили в гости к «нашему старику» послушать стихи Гумилева или Юргиса Балтрушайтиса, видели и чувствовали, как болят эти пальцы на ноге, которой давно уже нет.

Да, по-научному это надо называть фантомной болью, но для меня это — каузалгия. Больше

сорока лет минуло с тех пор, как ушел мой отец. В течение довольно продолжительного времени я работал с его письмами, дневниковыми записями, воспоминаниями, которыми он когда-то делился со мной; готовя рукопись этой книги, я постоянно мысленно советовался с ним. За эти годы я часто слышал его голос, не раз встречал в толпе, видел силуэт в окне, просто разговаривал... Я постоянно пытаюсь понять, как он прошел этот путь, который не все осилили по разным причинам.

Каких-то пятьдесят лет назад теплым майским утром я слышал почти церковный колокольный звон: это побрякивали серебром и золотом медали вернувшихся живыми.

«И каждый первый — герой, И каждый второй — бессмертен», — сказал о них Поэт.

Мне в жизни приходилось сталкиваться со многими интересными людьми, попадать в неординарные ситуации, и всегда я мысленно советовался со своим отцом, которого нет, не просто рядом, а вообще уже нет. И это тоже каузалгия, а значит — боль.

Хотя в этом есть доля лукавства: письма моего отца из кровавых окопов Великой Отечественной войны, которые он писал моей бабушке, опосредованно давали мне советы, в них я находил ответы на многие вопросы. У меня всегда по этой причине есть возможность поговорить с ним.

Хотя это тоже каузалгия, а значит — боль.

Часть 1

ПУТЕШЕСТВИЕ НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

(Военный дневник)

1. Я простился с волгой

20.09.41

Въехал в Азию! Никто из вас так не путешествовал, да, наверное, и не придется: мне кажется, никто не пожелает. Сегодня в первый раз умылся после Куйбышева, где в какой-то парикмахерской помыл руки. В Куйбышеве я долго лежал на пустынном берегу и глядел на реку с белыми гребешками волн — на душе было легко. Я даже не прощался — я простился с Волгой еще в Горьком: пятнадцатого сентября целый день на яхте общался с Волгой, быть может, в последний раз. Теперь я в Азии, а здесь, кажется, по местным обычаям можно совсем не мыться.

Сразу после Самары началась степь (так начинаются многие рассказы прошлого века, где описывается, как русские господа ездили на кумыс), с ее ковылем, пылью и осенними ветрами. Ветер

сильный, пронизывающий до костей, но дождей пока нет, сквозь облака проглядывает солнце. После Оренбурга помахали рукой Европе.

Здесь, в Азии, все своеобразно. Деревушки маленькие, серенькие, домики-мазанки по типу украинских, но нет ни кустика, ни деревца — кругом голая бесконечная степь. На остановках грязные босые ребяташки продают арбузы, дыни, молоко; по дорогам едут на верблюдах — все как 150—200 лет назад. Настроение у меня прекрасное, я доволен, доволен, вероятно, так же, как какой-нибудь чеховский инженер, ехавший в мягком «пульмановском» вагоне.

На соседней полке под рваным пестрым одеялом все время сопит и всхрапывает старый киргиз, но я мирюсь с этим — ведь не часто приходится ездить с киргизами. На другой полке лежит поляк с замечательными голубыми глазами. Боже, видели бы вы его!

История поляка такова: повоевав с немцами 12 дней (Польша воевала только 12 дней!), он попал в плен и был отправлен под Берлин, оттуда бежал домой, в Варшаву. А дальше — Россия, Сибирь. И сейчас он едет в Актюбинск, где из таких вот «патриотов» генерал Андерс формирует польскую армию. В Актюбинске их уже 100 тысяч, и все из тюрем, и все без семей. На этом поляке с голубыми глазами надето то, что он когда-то надел дома, в Варшаве: брюки уже изорваны, раньше они были черные, а сейчас

напрочь вытерты и стали грязно-серыми, белые, когда-то белого цвета, сейчас тоже серое, на ногах — обмотки из каких-то тряпок и рваные лыжные ботинки. Он просит у меня нож, режет арбуз, затем тщательно вытирает его о брюки и вежливо, очень вежливо возвращает обратно.

Я выехал из Горького с военными, кто-то из них ехал до Куйбышева, кто-то дальше, но сейчас уже нет ни одного. Все, связанное с войной, осталось за Волгой, и я не знаю, что делается на свете: нет ни радио, ни газет — и только плач и крики на станциях при проводах мобилизованных напоминают о чем-то неясном и далеком.

В вагоне остались наши русские мужики с Урала, Каспия; эти шумят, ругаются, они — чистые, так как прямо из дома; требуют к себе хорошего отношения, ибо едут на смерть. Один встретился в тамбуре: «Браток, закури!» Закурили. «Ты понимаешь — последний день!.. Не хотелось ругаться, но вынуждают, и я своего добьюсь».

Поляки были тихие и вежливые. Они ничего не требовали, всех называли «пане» и друг друга — «пане Замборский». А посмотрели бы вы на этих панов!

Цены здесь очень низкие: молоко — два рубля литр, арбузы и дыни от рубля до трех.

25.09.41

Здравствуйте, друзья мои! Многим может не понравиться тон моих писем, но что делать:

я не по своей воле путешествую, да и без комфорта; конечно, я очень бы не хотел, чтобы мое турне кончилось востоком, а не западом, но это все еще впереди, а пока... тянутся дикие, безлюдные пустыни Туркестана и «голодная степь» Казахстана. Это не Волга, и даже не Урал, и все здесь свое, своеобразно-азиатское, начиная от звездного неба, кончая обычаями. Здесь даже скот не похож на наш — все наше здесь гибнет.

Если вы взглянете на карту, то от Куйбышева до Оренбурга тянется степь. Это обычная степь Южной России с табунами скота, с кумысом, с кумысолечебницами. От Аральского моря начинаются Приаральские Кара-Кумы, уже ничего не растет и почти никто не живет, только скорпионы и ящерицы. Трудно поверить — на тысячи километров нет ни свежего кустика, ни зеленой травинки: или степь с сухой серой травой (до Аральского моря), или сплошные пески — безграничные, сливающиеся с горизонтом, с растущими кое-где низкорослыми колючими деревцами без листьев. Это дерево пустыни называется саксаул. Видел озера из соли; неприятно встретить в пустыне такое озеро жаждущему влаги путнику. Интересно: среди диких песков появляется голубое блестящее зеркало воды, и разве только на расстоянии нескольких метров понимаешь, что это соль.

26.09.41

Я проехал ровно 10 суток — 240 часов. Мне прокрутили кинофильм «Прифронтовая полоса и тыл», фильм в 240 часов, цветной, стереоскопический. Я просмотрел все с неослабевающим интересом и даже не заметил, как пролетело время, то была первая серия, а сейчас антракт.

Алма-Ата! Она меня ошеломила. Я слышал рассказы про этот город, но представлял что-то другое. Я видел Ленинград, Севастополь, Сочи, но Алма-Ату сравнить просто не с чем. Проехав последние 800 километров через Голодную степь (так называется пустыня, тянущаяся вдоль Киргизского хребта) и почти не встретив по пути растительности, я попал в сказку.

Представьте себе лес: большой девственный лес из берез, лип, кленов и пирамидальных тополей, а в этом лесу стоят небольшие белые домики, в основном одноэтажные. Здесь милиционерам не нужно управлять движением, то есть следить за тем, чтобы народ переходил улицу на перекрестках. Идет асфальтированный тротуар, затем изгородь из акаций, арык (канавка с проточной ледяной водой), затем аллея высоких деревьев, снова барьер из акаций, и уже шоссе, асфальтированное, так же точно и с другой стороны. Улицы все идеально прямые, пересекаются под углом в 90 градусов, особенно интересно ночью: идешь и слышишь, как

со всех сторон журчит вода, даже в туалетах на улицах, в парках, кругом журчат арыки, и вот на таком искусственном питании растет огромный лес, это среди бесконечных, диких, выжженных солнцем степей. Я выходил на станциях на 10–15 минут из вагона и ужасался жаре: температура 40–45 градусов, а здесь, в городе, прохладно.

А какое тут небо!.. Помните картины Верещагина, там небо ярко-бирюзового цвета, смотришь и не веришь, что такое бывает. Здесь оно действительно такое.

Теперь небольшая справка: в Алма-Ате больше солнечных дней в году, чем где-либо в СССР. Здесь и зима своя, собственная, неазиатская, а алма-атинская, почти всегда с солнцем. Парки с фонтанами, с огромными клумбами цветов, как на сельскохозяйственной выставке в Москве, только со всех сторон окружают фантастически величественные снеговые горы. Город находится на склонах Киргизского хребта (отроги Тянь-Шаня) на высоте 800 метров над уровнем моря и окружен горами. Идешь по городу, а его длинные зеленые улицы сливаются вдаль с вершинами гор. Какое приятное чувство — глядеть туда вверх. На фоне этого яркого бирюзового неба в какой-то розовой дымке стоят хребты с вечными снегами. Кажется, это совсем близко, но высота их достигает 7000 метров. Описать все это трудно. Правильно сказал один философ: понять можно только то, что прочувствовал и ис-

пытал сам. Тут все так своеобразно и необычно, что только приходится вспоминать картины и декорации художников: все эти юрты киргизов в голой степи, эти горы в розовой дымке хорошо воспроизводит Анатолий Мазанов в нашем Оперном. Смотришь на горы, и кажется, что это декорации или что-то искусственное поставлено за городом.

В поезде познакомился с одним биологом, шесть лет назад окончившим Московский университет; он работает здесь. Восемь месяцев в году в экспедициях: был и на Днепре, и на Енисее, ездил по Бугу, по Оби и по Аму-Дарье, был почти во всех городах Союза, облазил здешние горы, степи и пустыни. Видел все, кроме Уссурийского края, как сказал он. Много он мне рассказал, и все-таки я ему не позавидовал и свою работу на его не сменил бы. Почему так? Не знаю.

Ну, а о работе — здесь все произошло, как у Игоря Пузырева. Он написал мне, что они со знакомым пришли, осмотрели радиостанции и поняли, что все «нормально», как и дома. Я тоже мог бы приехать на неделю позже, и ничего бы не изменилось. Пять тысяч километров обстановку не изменяют. Пробуду здесь, вероятно, долго.

1.10.41

Прочел коммюнике Московской конференции, абсолютно ничего не понял, но понравились последние семь строчек в выступлении

Гарримана. Я подумал и пошел стричься наголо, под машинку. С волосами фотография приложена к сему. В Алма-Ате красавиц нет, домой, вероятно, попаду не скоро, и посему волосы не нужны. Между прочим, серьезно: в Алма-Ате я не видел ни одной более или менее красивой женщины. В таком красивом городе какие-то серые невзрачные люди. Вот в Ташкенте живут узбечки, так на них приятно посмотреть: яркие, у всех карие глаза и черные косы. Я ведь через Узбекистан тоже проехал. А сколько обычаев здесь интересных, а главное: мужчины, казахи, не работают абсолютно, только ездят по гостям пить чай.

Работа. Сегодня первый раз проводил занятия с радистами полка. Из пушек стрелять, кажется, не придется. Немного обидно!! Командир дивизии сказал мне, что артиллеристов у него достаточно, а вот радиоинженер только один. Пришлось согласиться.

Люди в полку прекрасные, большинство с производства, и все русские. Среди офицеров есть один еврей, хороший парень, но уж очень угнетен, хотя и уверен, что вырвется отсюда. Попал он в армию, как говорит, совершенно случайно, ибо у него кругом свои люди, кругом блат. А теперь у него два выхода: или немцы убьют, или свои за какую-то оплошность. Он прямо говорит, что рожден не для войны. А в остальном душевный человек, я ему очень понравился, и он мне все это рассказывает, уж очень тоскует по дому.

Должность у меня занятая — сам себе хозяин. Главное — за людей ответственности нет, ибо их у меня нет, и техники, правда, тоже пока нет. Начальники у меня сволочные попались, я уже и поругаться успел. Они не хотят понять, что пушки и радио вещи несравнимые, а сами-то понимают только в пушках. Но это все дело дальнейшего будущего, а пока выпал первый дождь, что очень приятно, ибо погода невыносимо жаркая. Дыхание осени дошло и сюда: пожелтели березки и клены, тротуары покрыты упавшими листьями, и ночами дуют сильные ветры.

В город нас теперь не пускают, и лежу я целыми днями у себя на нарах, на третьем этаже, и читаю техническую литературу. Кругом висят сапоги, портянки, полотенца; внизу тренькают на балалайке и гармошке. Вечерами сидим у входа и курим, ночи здесь черные-черные, и звезды такие, какими они могут быть только на юге: все небо в бриллиантах. В 9 часов заставляем себя спать до 7 утра; днем я не сплю, а друг мой еще и днем спит. Иногда ходим в ДК, смотрим кино, но я с большим удовольствием лежу вечерами на нарах и слушаю гармонь.

18.10.41

Тася, я пишу обычно много, но так однообразна моя жизнь здесь, что писать уже нечего. О городе — все, о дороге — все, о людях: о них

можно только говорить — это психологические, философские темы.

Сейчас лежу у себя на нарах и дрожу: по полку объявлена химическая подготовка, а я даже противогаз не получил, по пословице: «Пока гром не грянет, русский не перекрестится».

У нас ведь и шинелей нет — здесь стоит ужасная жара. Но самое противное — это пыль и то, что травы нет — вся выгорела. Утром у вас сейчас туман, и здесь такая же картина, но только от пыли, которая поднимается ночными ветрами. А спим как? Кроме пальтишка из дома у меня ничего нет; оно подо мной, а под головой сумка с инструментом и пилотка. Хорошо, что жарко — покрываться не надо; на нарах окурки, бумажки и все та же пыль, но меня это особенно не тяготит.

Да, Таська, я не писал о здешних яблоках, ведь мы выросли среди яблоневых садов, ели, кажется, всякие, но, поверь, здешние яблоки ни с чем не сравнимы. На базаре продают и виноград, и груши настоящие, дюшес, но их я покупал только так, для разнообразия, ибо яблоки много лучше. Представь себе огромный базар и — в основном яблоки; они все или красные, или белые и огромной величины (обычно 200—300 граммов). Если будет возможность, то приедем сюда специально есть яблоки.

И еще о питании: сначала кормили из общего котла, сколько хочешь, как в хорошем санатории

(солдатам это не полагается), а теперь с котла сняли и предложили питаться самим. Приходится ходить по ресторанам.

Здесь только в середине октября стали пропадать продукты, ибо карточек до 15 октября не было. Я приехал из Горького сюда, как в другую страну: карточек нет, и продукты, какие хочешь и сколько хочешь. В ресторанах кормят прекрасно, только с деньгами, вероятно, будут нелады, ибо в городе полно пива (при такой жаре!), да и на душе стало тоскливо.

Вечерами почти все ребяташки молоденькие уходят в парк, где полно женщин легкого поведения. А я ухожу в ресторан и пью пиво, но что-то от него не хмелею, а водку пить одному как-то неудобно, возможно, не привык. Лели, жалко, нет, передайте ему — вот где бы я его угостил, а каких здесь вин только нет! Письма пишу не по событиям, даже неловко писать-то. Ну ладно, пишу для себя и для тебя, кому не нравится — не показывай. Может, доведется прочесть самому.

4.11.41

С Горьким все связи лопнули, последняя весточка от 6 октября. Расстояние, правда, большое, но и срок — месяц. Скоро два месяца, как я расстался с заводом. Время просто промелькнуло — потому что я знаю: очень не скоро увижу Горький.

Когда я был в лагерях 2 месяца или на практике 2 месяца, то они были длинными, длинными.

В октябре, Тася, был десятилетний юбилей моей самостоятельной жизни. В октябре, 31 числа, в грязь, в дождь я пошел на биржу труда в Кремле, оттуда на Ленинский завод, на Мызу. Через 10 лет, без месяца, я ушел оттуда и уехал с Мызы; как хорошо, что я успел год поработать инженером: не будь этого года, попал бы сюда с дипломом инженера, но со знаниями и опытом обычного студента. А сейчас я смело разбираю радиостанции, которых никогда не видел.

Занятно у меня складывалась работа: на 21-м заводе был электриком среди электриков, но работал обмотчиком — делал то, чего не понимают и не умеют обычные монтеры. На заводе я делал также самостоятельную обособленную работу. Теперь же я артиллерист среди артиллеристов, но делаю то, чего не может ни один артиллерист.

У вас скоро уже зима, а здесь ничего похожего: пыль, пыль, пыль, по утрам она как густой белый туман, но здесь спасают деревья, а вот в городах Северного Казахстана — там совсем могила.

Был у Пирадовых: они бежали из Киева, где оставили хорошую дачу под городом, новый роуль и шикарную квартиру с обстановкой. В. И. постарел, поседел, а А. Л. такая же. Они сначала проехали в Уфу, затем в Свердловск и теперь —

сюда. Шлют всем большой привет. А.Л. Леночку и Миколу вспоминала (где теперь Микола, известно ли?). А сколько здесь народу понаехало, каких только рож не встретишь!! Ну, пока все!!

26.11.41

Давно я не писал, ибо был в пути, да все еще еду и, вероятно, долго буду ехать.

Прошло 72 дня, из которых я в дороге 32: кажется, много, редко кому в жизни приходилось так путешествовать, и поэтому мне хочется, когда я попаду домой, более подробно рассказать обо всем.

Дорога моя завернула сначала опять на восток, и я очутился где-то между Доном и Волгой, в такой глуши, что люди никогда здесь не видели красноармейцев, подчеркиваю — никогда! Сейчас здесь тишина. Поля во многих местах стоят с неубранным хлебом, по дорогам встречаются возы, запряженные ленивыми, флегматичными волами, так гармонирующими с местностью. Стоим в большой, когда-то немецкой колонии. Величиной она с Воротынец, но пустая, без хозяев. Несколько домов заняты эвакуированными, да еще мы. В первый день было очень приятно жить в огромном пустом селе, и страшно захотелось домой, впервые за 72 дня. Но это настроение быстро промелькнуло, и я снова вошел в колею. Сейчас лежу в чистом беленьком домике, на хорошем крашеном полу, и не хочется расставаться

с этой квартирой. Когда мы пришли в дом, он был пуст и даже заботливо выметен уехавшими хозяевами (что значит немцы!). Большой высохший лимон напоминал об уюте, когда-то царившем здесь. Хорошо жили, ничего не скажешь!

Домой я послал телеграмму, хочется узнать, что дома, а то мы опять уезжаем. Где-то по дорогам, я думаю, путешествуют письма ко мне. Вероятно, они были во встречных поездах и меня уже не догонят.

Тася, пиши только открытки, чтобы не переводить зря время. Я пишу для удовольствия, но жалко, если это потеряется.

Писал я много, но ведь это все еще не война. Не доехал! Но близко! Мы уже видели разбитые железнодорожные станции. Я, Таська, из книжки вырезки посылаю: занятно, как все повторяется у меня. Привет всем, обязательно, я не перечисляю, кому конкретно — вдруг кого забуду.

10.12.41

Начались наши скитания по маленьким и большим русским селам и деревням. Рязанская область. Под образами мерцает лампадка, на столе передо мной стоит рация. Два лейтенанта, мои друзья, и маленький шестилетний пацаненок слушают радио.

Домик чистенький, что очень удивительно для здешних мест. Живем втроем — доктор, лейтенант и я. Отношение к нам везде замеча-

тельное. Делают для нас все. В эту деревню, например, мы пришли в 5 часов утра, ибо обычно ходим ночью (так положено на войне), постучали в первый попавшийся дом и уже через 30 минут лежали на матраце под теплыми шубами.

Несколько дней назад жили в другой деревне, где спали рядом с курами на соломе, там и хозяйева всегда спят так. Такой грязи в наших селах я никогда раньше не видел: даже бань нет — зимой практически не моются, а водички погреют в печке и сполоснутся немного.

Между прочим, некоторые мои друзья уже получили боевое крещение, мы же пока пехотинцы, ибо еще не имеем пушек. А судьбу испытаем позже.

Одели нас — лучше некуда: шубняки, валенки, свитеры — в общем, здорово, такая одежда даже от осколков спасет.

Хотелось мне в леса попасть, в привычную природу, да не доехали немного. А здесь абсолютно голая местность и дуют ветры, что очень неприятно. У нас же в лесах тихо, только снег похрустывает под ногами, а здесь и снега-то нет. Сейчас земля почти голая, лишь чуть-чуть припорошило.

15.12.41

Ровно три месяца, как я покинул Горький, быстро же они промелькнули. Вот уже семь дней стоим на одном месте. Фронт уходит от нас, да, да,

фронт от нас, а не мы от него. До фронта вместо 20 снова 100 километров. Не забудьте — мы под Рязанью. Когда-нибудь вспомните это. Немцы сейчас в Сталиногорске: мы же пока в тылу, нас все еще берегут; вероятно, для окончательного победного наступления на запад. Сейчас вперед пошли конные корпуса генерала Белова.

Я так привык жить в движении, что семь дней на месте уже многовато, а живем мы прекрасно; даже есть диван, на котором я лежу, вспоминая своих. Думаю поехать в дивизионы, разбросанные по окрестным деревням — починить кое-где станции. Положение по службе очень неважное: я уже имею трое суток ареста, но пока не унываю и верю в свою правоту. Посмотрим, что будет дальше.

Да, у меня есть карта, на которой я нанес первые 8000 километров своего «браушвейга». Занятно будет, если турне закончится там, где началось. Постараемся!

21.12.41

Таська, мы снова грузимся на поезд и снова куда-то едем. По всей вероятности, все-таки уже на войну. Сзади остались Сталинградская, Воронежская, Тамбовская области, а теперь прощай и Рязанская с ее грязью, убожеством и красивыми, надо сказать прямо, женщинами (бабами!). Как все вертится перед глазами: дороги, вокзалы, села, люди — скоро уже сто дней, но мне еще не

надоело. Вот здесь, в маленьком городке Раненбурге (какое странное название для Рязанской области), прожив шесть дней, я затосковал и поехал по селам, где расположены батареи. Ездил пять дней, ночевал все время в разных местах, посмотрелся всего — не поверите.

В первый день пришел в штаб дивизиона, открываю дверь — стоит корова, и с нее веником сметают снег. Коровы, поросята, куры в избах — обычная вещь; бывает еще, что для тепла на полу солому стелют, а меняют редко — в хороших конюшнях чище. Я видел села Урала, Азии, наши русские, но здесь — что-то особенное. Говорят, Рязанская область всегда была такой, и вот эти-то села сейчас забиты эвакуированными москвичами.

Интересно бродить по дорогам, по избам; каждую ночь ночевать в разных местах, где на скамье, где на соломе, а иногда ложимся прямо на грязный заплесанный пол; надеваешь варежки, спускаешь у малахая уши и засыпаешь. Вечерами слушаешь баян, гармошку; как-то слушал гитару и соответствующие песни на квартире у сельских учительниц: вот у кого тоскливая жизнь.

Конечно, и без вшей теперь не обходится, но ничего — скоро лето, и с этим будет полегче. Через трое суток начнет увеличиваться день, а через пару месяцев будет таять, но к сентябрю я домой не попаду. Не уложимся!

Сейчас ночь. Я дежурный по штабу полка, только что все утихомирились и ушли. В домике телефон и пара посыльных солдат, под окнами ходят часовые. Что делать, как не писать? Вот еще вспомнил: нас теперь поят спиртом, который по виду похож на керосин, водой разбавишь — делается белым, как молоко. Что это такое, Таська, ты разберись как химик и напиши, ежели очень вредно, то пить не буду. Из Горького никаких вестей. Скажи друзьям — пусть иногда тоже открыточки в ящик бросают по моему адресу.

Бывает ли Надя, катаются ли на лыжах? Мне очень хочется покататься, но здесь почему-то мало снега.

Звонит телефон — это приятель из соседней деревушки заскучал, приглашает меня после войны в Тбилиси, в гости. Откуда только нет приятелей, куда только не приглашают после войны: и в Казахстан снова, и на Кубань, и в Крым, а один даже на Енисей зовет, и каждый свое расхваливает.

27.12.41

Таська! Знаешь ли ты, где я? В Москве!! Да-да, в центре Москвы! Вот это да!

Мы были в одной из армий Западного фронта, нас вывели, привезли в столицу, и мы находимся в резерве у т. Сталина. Вот здорово! Но ведь это все как бы путешествие, а люди воюют уже седьмой месяц. Когда мы выехали на большую маги-

страль, то гадали: юг или север? Мне хотелось на юг. Но с каким чувством я подъезжал к Москве, этого не передашь, ибо считаю ее вторым родным городом.

Было солнечное утро, дымили трубы заводов, на запад девятками уходили тяжелые груженные бомбардировщики. Мы даже не мечтали попасть в город, а как хотелось. И представь себе: на 25-м году революции я проехал по центральным улицам столицы на старинных резных санках, приобретенных для командира полка в какой-то рязанской деревне. Мы, вдвоем с адъютантом комполка, с автоматами, с гранатами, ехали по улицам Москвы, заходили в магазины, переезжали площади поперек, нарушая все правила движения. Мы ж приехали из деревни, из глухой рязанской деревни — что с нас требовать? Было очень приятно.

Все начальство, конечно, верхами уехало, а мне по штату даже конь не положен; езжу всегда на чужих.

Вот я в городе, который, как пишут, имеет строгий подобранный вид. Да, это правда, нет на улицах празднующихся зевак, меньше машин, с 8 вечера жизнь на улицах затихает, а в 10 часов улицы и совсем пустеют. Многомиллионный город замирает до утра — это так странно. А в общем, город все тот же, что и 9 месяцев назад, я здесь обошел много, и поверь — никаких особых разрушений, только окна, но ведь это пустяки.

В Москве мне оставаться совсем не хочется — это все-таки неприятно, как говорится, только небо коптить. Если бы на сутки предложили поехать в Горький — не поехал бы ни за что. Посмотрел Москву, и кажется, что лишь вчера уехал из дома и совсем нигде не был. А потому — все ясно!

Единственное, что хочется, — обо всех все узнать; так напиши, Таська, сюда, может, здесь меня письмо догонит. Странно и интересно: когда я был далеко, то казалось, что и времени много прошло, а с сокращением расстояния, кажется, и время сократилось, и я ясно представляю, что в Горьком все так же, как и три с половиной месяца назад — 15 сентября.

Раньше я писал, что увидимся не скоро, а теперь боюсь так писать, ведь я уже почти дома, и не удивлюсь, если туда попаду. Но этого я не хочу!

Письма не рви, когда-нибудь, возможно, их прочту.

2.01.42

Прожив неделю на Калужской улице в Институте стали, мы переехали в школу, в поселок ЗИС.

Новый год встретили довольно оригинально, в классе, за общим большим столом. На столе стояло полведра мутного зеленоватого спирта, а закуска — колбаса с хлебом.

Живем пока в школе, на стенах висят картины, списки учеников. Койка моя стоит у доски, на ко-

торой нанесена сетка для правописания. Сейчас во всех классах спят солдаты, да и все коридоры забиты ими.

В город выезжаю часто, но мало что интересного вижу. Бываю в театрах, в лучших ресторанах. В ресторанах и зеркала, и мягкая мебель, встречаются красивые, нарядные женщины, а мужчины в валенках и ватных брюках. Редко кого увидишь в гражданском костюме, тем более молодого, и как-то странно на таких глядеть — уж очень не отвечает времени! Возможно, потому что я ушел из вашей среды, из вашего мира.

Я уже не знаю, что делается в гражданской жизни, а прошло всего только четыре месяца. Писать больше не о чем; это значит, что пора в путь, за новыми впечатлениями. Да и воевать уже пора! Это будет скоро, уже скоро. Вот тогда я снова начну писать. А сейчас я жду каждый день писем, которые гоняются за мной по дорогам.

18.01.42

И снова в путь и, вероятно, уже на войну. Паровоз тащит наши вагоны на Ярославль — на север, в леса, и это приятно, ведь мы уже насмотрелись досыта на голые холодные степи.

27.01.42

Бологое!

Эшелоны стоят двое суток. Моемся в последний раз в настоящей бане и снова гадаем: Ленин-

град или Торопец. Как долго мы едем. Даже из Алма-Аты в Сталинградскую область нас привезли быстрее.

5.02.42

Тася, представь себе раннее утро, яркое голубое небо, где-то за далекими соснами поднялось солнце. Дорога идет сосновым лесом, все в иinee, и только на верхушках елей и сосен золотятся шишки под первыми лучами солнца. Мы вдвоем с приятелем едем верхом далеко впереди всего полка, километра за два. Впереди показалось огромное белое пространство — это озеро Селигер, которым ездили любоваться люди в летнее время.

Здесь берет начало наша Волга. Дорога идет по берегу, где стоит разбитая купальня, я подъезжаю к арке с надписью: «Дом отдыха «Селигер». Тишина — все побито, разрушено, медленно въезжаю на дорожку пустого парка. Дома стоят с пустыми темными впадинами вместо окон, и так везде!

Едем дальше — вдруг неожиданно под мордой лошади появляется маленький пацаненок. «Где немцы?» — спрашиваю я. Он весело отвечает, что месяц как убежали. Разбиты все мосты, по дороге стоят разбитые танки, автомашины, а по обочинам из-под снега торчат руки, ноги оставшихся здесь навсегда фрицев и гансов.

Мы прошли пешком по занесенным снегом дорогам больше двухсот километров. Вы знаете, что такое 122-миллиметровые гаубицы, вы слышали, что такое форсированный ночной марш, но вы совершенно не знаете дорог Калининской и Ленинградской областей. Может, когда-нибудь и расскажу. Идем только ночью, мороз доходит до 40 градусов, пушки тонут (если можно так выразиться) в снегу. Иногда «пробки» останавливают колонну на 1–2 часа, и, чтобы не застыть, приходится бегать взад-вперед; это вместо того, чтобы отдохнуть после уже пройденных 20–30 километров.

13.02.42

Война, в полном смысле этого слова, перед моими глазами...

Я в первые же дни явился свидетелем гибели двух пехотных полков с их командирами. Я сразу увидел войну.

Война — это страшная штука, и запомни, она особенно страшна для пехоты. У нас в арtpолку убиты единицы. Я живу на НП полка и видел штурм, а теперь созерцаю поле, покрытое серыми шинелями. Долго они еще будут лежать!

Да, наша Третья ударная армия формировалась где-то под Горьким. Нет ли здесь Орловой? Мне кажется, и автобат Легостина где-то рядом. Я жду момента, когда мы встретимся, и чем позднее, тем интереснее.

Недавно во сне я побывал дома, очень приятно было увидеть вас.

А мне, между прочим, никто не пишет. Только на заводе меня не забыли. Таська, тварь, и та не пишет.

Тася, напиши обо всем, а мне писать о войне сейчас просто не хочется. Все кругом дрожит и трясется. Отсюда попасть в ад — это все равно, что от вас попасть в рай. В аду, наверное, тише, чем здесь.

«Война — это высшая школа жизни, здесь является человек полностью».

Скоро будет весна! Скорей бы!

25.02.42

Представьте себе картину: белая чистая рубашка, и на ней несколько десятков вшей. Это так противно, что можно содрогнуться. Этого — не было! Было чистое, голубое небо, оно контрастно выделялось над лесом, блестящим от покрова инея. И вот на небе вертится 30–40 бомбардировщиков — эта картина тоже неприятна, но первого нет, а второе — почти каждый день. Со стороны интересно глядеть, как они колесом, штук по 10 идут друг за другом в пике. А пикируют некоторые точно под 90 градусов.

Вчера еду верхом вдали от леса, вижу — идут три самолета низко-низко, остановился, жду: первый дает очередь из пулемета, за ним оба дру-

гих делают то же. Попасть в меня почти невозможно, но так они действуют на психику.

Вообще я не воюю, запомните это, и посему не рассказывайте, что я на передовой, рисковую жизнью и т.д., и т.п. Меня на данном отрезке времени может убить только шальная пуля или какой-нибудь чудака бомбу на меня сбросит.

Запомните, рискует жизнью пехота, те наши знакомые, что летом ушли добровольцами в пехотные части.

Да, небольшая справка: у Лели Цыбина на стене есть карта, там моей рукой карандашом отмечен единственный город, вот этот город мы и окружили. Я каждое утро смотрю в бинокль на его пустынные улицы, по которым иногда пробегают немцы, натуральные, живые — раньше только замороженные встречались.

1.03.42

Официальное начало весны. Зима кончилась. Через 10 дней будет ровно полгода, как я от вас уехал, время прошло незаметно.

Весь февраль стояла яркая солнечная погода, но вы этого не заметили; я раньше тоже не замечал, работая на заводе. А как это красиво среди огромных лесов, утром, днем, вечером.

Скоро начнет сходить снег, обнажая весь ужас двухмесячных боев, ужас, который сейчас покрыт белым покрывалом. А пока вокруг все чисто

и красиво. Только на душе тяжело из-за того, что радиосвязь работает из рук вон плохо. Станциям по 6—7 лет, какой-то хлам, рухлядь. А я обязан сделать так, чтобы они работали и в мороз, и в дождь. Я здесь довольно-таки часто не умываюсь, подолгу не бреюсь, но вроде не старею. А вообще здесь быстро стареют. Да, артиллеристам еще хорошо тем, что часто приходится есть конину.

12.03.42

Я пишу очень часто, но не знаю, получаете ли вы мои письма. Тася, я разрешаю читать их всем, и скажи Леле, что ему писать я отдельно не буду, чтобы не повторяться. Ведь это условности — на чей адрес они пишутся.

Второй день идет снег, пурга. Самолеты почти не летают, и как-то легко; нет того напряжения. Конечно, смешно думать, что в тебя попадет бомба с самолета, но состояние целый день напряженное. На днях было так: мы ехали на санях по большой поляне, когда из-за леса вынырнули два белых бомбардировщика. Представьте себе: яхта, сильный ветер, беляки и предельный крен, на реке очень холодно, и все прижимаются к борту. Так вот — один бомбардировщик развернулся сзади саней, чуть-чуть не задевая снег крылом, даже стало видно верхние плоскости крыльев. Мы, как на яхте, прижались к санкам, было страшно и притягательно смотреть; длин-

ная очередь из пулемета, и они скрылись за елками.

Успел я прочувствовать и что такое бомбы: недавно две разорвались у самой хаты, одна в двух метрах — так не только рамы, но и ставни вылетели со своих мест. Я в это время стоял у окна, заколоченного палаткой и соломой; меня всем этим хламом и накрыло, а у другого окна сидел старший сержант, так ему стекла брызнули прямо в лицо и всего искромсали, пришлось везти в медсанбат.

Но вообще все эти бомбардировки больше психологически действуют на людей. Нужна большая выдержка и самообладание, чтобы сдерживать себя; люди в это время начинают метаться и заражают паникой других. Культурные люди обладают все-таки большей выдержкой.

Вчера на нашем наблюдательном пункте был командир дивизии; он залез на чердак маленького домика и долго глядел в стереотрубу на этот полуразрушенный Холм. Его несколько раз просили сойти в укрытие, так как кругом пикировали самолеты и бросали бомбы. Когда комдив уже спустился с чердака и стоял у стола, один из самолетов дал очередь зажигательными пулями; одна попала ему в ключицу и застряла где-то под лопаткой. В очень тяжелом состоянии его сегодня отправили на самолете в Москву.

Пока нас беспокоят только обстрелы с самолетов, ибо артиллерии у немцев в Холме нет.

23.03.42

Некоторые решили, что мне очень тошно, раз уж я упрашиваю, чтобы они писали. Так, во-первых, мне не тошно, а делом своим я и здесь доволен. Это, вероятно, «дурной» характер, как когда-то говорил Легостин. Да, мне почему-то своя работа всегда нравилась, и когда я лазил по столбам, и когда дежурил на подстанциях, и когда ремонтировал моторы, и когда работал инженером.

А если я иногда пишу, что хочется увидеть Горький и некоторых людей, так это не потому, что мне стало тошно. Я написал всем-всем, и больше просьб моих не дождетесь!

Еще не было ни одной оттепели, и зима порядком надоела, но это не значит, что я ее не люблю.

29.03.42

Кончается март! Никогда с таким нетерпением люди не ждали весны, которая должна принести в первую очередь тепло.

Весна будет страшная, вероятно, самая страшная из всех прошедших, но ведь идет война.

Мы переехали в Ленинградскую область, а проклятый Холм, о котором я писал, что дни его сочтены, так и не взят.

По этому маленькому городишку мы выпустили 47 000 снарядов. В кино это красиво смотрится, но в кино видишь, а не чувствуешь.

В пополнении, которое мы получили, было очень много горьковчан, но они не пособили, да их уже и нет...

Тася, я тут как-то письмо довольно резкое написал — так ведь это ночью было, а ночью по-особому пишется. И письма нам часто приносят ночью. Положено сразу разбудить. Распечатываешь и читаешь при мерцающем свете голубеньев. Тася, скажи, чтобы шибко не сердились. Я сейчас и не помню, что там написано. Тася, а почему у меня нет адресов Легостина и Миколки Белавина?

Если Легочка был в декабре в Москве, почему мне не сказали? Знаешь, я исписался, что ли — одни претензии. Вероятно, потому, что весна еще не пришла.

О самолетах писать надоело, о том, что мины и снаряды свистят, — смешно. Конечно, можно писать о лесе, сейчас лес начал шуметь; зимой же в лесу тихо-тихо, только похрустывают ветки, резко разносятся выстрелы пушек, а два дня назад было тепло (сейчас опять мороз). Я шел по лесу, и чувствовалось что-то новое, оттаявшее: деревья зашумели, и к этому добавилось пение птиц.

10.04.42

*Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.
В золоте полдня сосен макушки,
Солнца звенящего край не почат,
А за деревней горластые пушки,
Не уставая, кричат и кричат.*

А. Сурков

Здорово! Верно! Я обещал писать, когда начнется весна, так вот — она началась, и речка внизу, под горой, у самой хаты, переполнена водой. Речка называется Алешня, она течет в крутых обрывистых берегах, таких речек здесь сотни. Как хороша здесь весна, сколько здесь разных контрастов. Идешь по дороге: огромные сосны, крутые обрывистые склоны оврагов покрыты деревьями.

Мы идем с Лукиновым на передовую, на НП наших батарей; это путешествие нам приходится совершать почти каждый день, ибо живем мы в деревушке, в районе огневых позиций. Я хожу с палочкой и пропускаю воду, которая застоялась в ручейках на дорогах. Это приятно, а раз приятно, то почему же не делать. И вы стали бы это делать, если бы имели время.

Садимся на пригорке, под теплыми лучами солнца, скручиваем сигарки и курим. Светит

солнышко, поют птицы. Хорошо описывал такие места Гамсун, но без сегодняшних местных малоприятных реалий. По обочине дороги лежат целые и полуразложившиеся трупы лошадей: кишки, кости, ноги, кровь и т.д. Нам приходится переходить большую реку: лед освободился от снега и теперь весь красный от крови. Здесь это обыденность и не нарушает гармонии первого теплого весеннего дня.

А звуки: сколько новых добавляется к звукам обычной гамсуновской весны. Тишины здесь не бывает. Все время несутся раскаты пушек, стучат за речкой пулеметы, иногда слышатся автоматные очереди (это уже забавляются наши солдаты), и все эти звуки идут помимо сознания, хотя слух все время напряжен, выбирает из этого хаоса свист мин и шуршание снарядов, пролетающих над головой. Ведь если свистит пуля, это значит, что она уже пролетела мимо, а если свистит мина, так ее слышно издали, и всегда успеешь лечь.

Сегодня курим с Лукиновым под соснами и считаем летящие над головой снаряды. «Вот уже девятый прошел, и опять по нашей деревне», — говорит Лукинов.

Четыре дня тому назад около нас стояла батарея, так вот утром она сменила позицию, а в 6 часов вечера по этому месту стали бить немцы. Стреляли до 12 часов ночи — всю опушку леса и крайние домики сровняли с землей. Один

снаряд (самый близкий) упал в 70—100 метрах от нас. Мы сначала глядели с опаской, как на другом краю села рвутся снаряды, а затем легли спать, и я уснул. Спал и во сне видел, как рвутся рядом эти снаряды.

Четыре дня подряд сюда прилетают эти «гостинцы». А вчера везли на санях раненого в санбат через нашу деревушку, так снаряд упал рядом, убил лошадь и оторвал голову этому раненому, а ездовой убежал, и долго лошадь и труп без головы лежали на дороге.

Таська, немного нехорошо получается, что я об этом пишу, вам кажется, что это страшно, что я рисуюсь, описывая такие картины, но это все такие мелочи, когда пехота лежит в снегу под непрерывным минометным обстрелом; где-то тут, в 2—3 километрах от меня, идет настоящая война.

Мы же живем в хате в тылу, как боги на Олимпе (по сравнению с пехотой).

Мила Грекова прислала открытку и пишет, что Игорь Пузырев вот уже три месяца как воюет. Он в армейских мастерских, километрах в 60—80 от передовой. Как Орлова говорила, что Легочка воюет, как Анна Александровна говорила, что Микола у нее на передовой, так вот обо мне, Тася и мама, прошу не говорить, что я воюю — я ремонтирую радиостанции, то есть пособляю людям воевать.

У нас два лейтенанта ходили под Холмом за трофеями, за оружием, один дополз до убитого на-

шего пехотного лейтенанта и принес с гордостью его пистолет, а другой так и остался там, и лишь через 15 дней принесли его документы. Эти ребята ходили за ощущениями. Я кроме танков уже видел все и многое прочувствовал, но писать об этом как-то нехорошо.

Сегодня ровно семь месяцев, как я в армии!

14.04.42

Был в тылу! Два дня! Сегодня опять на войне, где меня поджидали пять писем.

Я приехал сейчас из таких мест, где живут, то есть смотрят кино, слушают патефоны, даже танцуют. Миколка, кажется, служит так же. И вот что интересно: я шел мимо дома, на крылечке которого сидели шесть девушек, да, шесть чистеньких девушек, каких я не видел полгода. Они были все в военном — связистки, пригласили меня посидеть с ними и рассказать про войну. А поглядели бы вы на меня! Сапоги грязные, рваные, гимнастерка и брюки тоже забрызганы грязью, сам худой и черный от солнца. Я был очень доволен, хотя и сказал: «Да разве с такими знакомятся?!» Они в чистеньком обмундировании, кругом блестящее начальство (это штаб армии), а я?

Девушки забросали меня вопросами, и, знаете, я не смог им рассказать о войне. В письмах кое-что еще пишу, а вот тут смог сказать только то, что все кругом здорово трясется и иногда бывает страшновато.

Сушинский мне немного завидует, что мои письма пышут бодростью, которой у него не хватает. Он удивляется, что я нахожу что-то интересное; он считает, что я видел войну, но не понял ее, не прочувствовал, а он, Сушинский, не видел ее, но понял и прочувствовал. Мама пишет, что из писем видно, будто я здорово устал. Может быть, они оба правы, но ведь глупо писать о внутренних переживаниях, да вроде и некому, но я устал не от войны, а от служебной обстановки — с меня, по законам войны, требуют невыполнимого, а именно безотказной работы раций, которые сделаны в 34-м году. Я сказал, что я из полка уйду. Правда, мне говорят, что легче на небо улететь, чем уйти из полка. Посмотрим!

Сушинский, как и Тася, твердит, что пора войну кончать, а я мечтаю хотя бы к следующей осени (через год) на недельку заглянуть домой. Здорово было бы!

Игорь Пузырев был, оказывается, дома; замечательно. Сегодня получил письмо от Ирины — она все где-то в деревне, ей понравились мои письма и захотелось на фронт. Жалеет, что нет специальности. Но ведь писать можно по-всякому, и это зависит от настроения, а верить написанному полностью нельзя. Сейчас только пришла в голову мысль — Тасеньке пора бы замуж выйти, это для меня была бы самая большая радость. Вот было б здорово! После войны я взял бы Таську с мужем и Лелю с Галинкой и повез бы

смотреть Алма-Ату и озеро Иссык-Куль (что в горах у самой границы Китая). Деньги будут. А не выйдешь замуж, Таська, уеду с какими-нибудь бродягами и все прокучу. Мама, выдай Таську замуж, а то срам какой — даже внучат не будет!

15.04.42

Таська! А помнишь ли ты, как делают слоеные пироги? Для этого, кажется, нужен холод, чтобы морозить тесто. Было время, когда мы ели такие пироги: хорошие — с мясом и не очень плохие — с вареньем. Только это бывает зимой, а сейчас весна. И поросят заливных ели, помнишь? Но это было давно. Я уверен, что слоеные пироги нам еще мама сделает. Смешно, Тасенька, — не будет мамы, и ты этого не повторишь.

Я тебе обещаю, что мы посмотрим и солнечную Алма-Ату и поедим узбекских дынь (это вещь особенная, которой в России нет!).

Война — это миг, небольшой этап в жизни. Конечно, она (жизнь) может закончиться и на этом этапе. Она может кончиться даже сейчас, если один из снарядов, которые летают повсюду, завернет сюда.

По-немецки рассуждая, жизнь без войны однобока. Тася, а ты достань и посмотри еще раз «Разбойников» Шиллера, что там Карл Моор говорил насчет воинов, таких как он. У них это получилось. Ты прочти все — здорово и занятно!

В письмах не положено философствовать. Ну, сейчас мы отдыхаем, хорошо бы до мая не воевать, а там с новыми (!) силами — в жаркое дело.

Помните, в январе в «Правде» писали: «Красная стрела легла на юго-запад от Клина, слева леса и справа леса, слева в лесах немцы, справа в лесах их еще больше. А стрела уходит все дальше на запад». Так мы на кончике той стрелы. Ржев далеко-далеко сзади нас, а ведь в Ржеве немцы.

Сейчас весна. Я каждый день умываюсь, хорошо умываюсь, не смейтесь. Опять на мне чистая гимнастерка, только ватные штаны все в лохмотьях — еще не сменил.

Помню, я в Алма-Ате ходил в порядочном виде, в фуражечке, подтянутый, затем опустился шибко — это в декабре, восточнее Тулы, на Западном фронте. У вас фотокарточка должна быть.

В Москве я немного привел себя в порядок и даже каждые два дня менял воротнички. А здесь зимой я был в таком виде: небритый, грязный, ватные брюки, не снимавшиеся всю зиму, расползлись. И только весна заставила всех принарядиться. Вроде ничего не изменилось — и люди те же, и война все так же жестока. У меня есть и шерстяная гимнастерка, и брюки, только все это где-то в мешке. Если годика через полтора попаду домой, то надену их и воротничок при-

шью. А вообще я теперь порядок люблю. Ежели я попаду домой, то разберусь в сарае, в чулане, на балконе. Один все сделаю. Вы улыбаетесь; подчеркиваю — мне так кажется! Кругом все такие неаккуратные — мне приходится замечания делать и за чистотой следить.

Ну, всего хорошего. Всем большой первомайский привет. Хотелось бы, чтоб письмо к 1 мая пришло. Но почта уже уехала куда-то в тыл, полк почти весь ушел, и мы одни здесь под вечным, несмолкающим ревом моторов и гулом пушек. Вчера Лукинов приехал с нового места, куда отводят дивизию, из тыла. Говорил, что за два дня душа отдохнула от вечного напряжения, там даже якобы пушек не слышно, а здесь сейчас все трясется.

Мама, работать бросай и заводи поросят: им цены не будет!

26.04.42

Таська, ура! Небольшой антракт. Ох, до чего приятно, как легко на душе. Вот и пройдены все этапы. Последний — это тыл, капитальный ремонт.

Тася, теперь я имею полное моральное право сказать, что воевал и буду воевать. Для этого не обязательно стрелять из винтовки, все-таки сейчас война техники. А почему я так написал — потому что увидел, что здесь, в 15 километрах от переднего края и дальше к вам, находятся 50

процентов всех «воюющих». Тут всякие армейские штабы, армейские госпитали, армейские мастерские, медсанбаты, автобаты, автосанроты, всевозможные склады и т.д. А еще подальше повторяются все эти организации фронтового назначения. Людей — как селедок в бочке. Я им несколько не завидую, ведь неизвестно, что значит хорошо жить. Поп у Некрасова говорил: «В чем счастье, по-вашему? Покой, богатство, честь!» Он все это имел и был несчастлив. А солдат вечно полуголодный, но оставшийся в живых, был счастлив. Так всех этих людей я могу сравнить с попом, а себя с солдатом.

Мы счастливы, потому что заслуженно отдыхаем, пусть будут 2—3 дня, но это очень приятно после пережитого ада.

Идешь по тихим маленьким деревушкам, а над полями звенят сотни жаворонков, щебечут скворцы в скворечниках и поют петухи на огородах, радуясь первым лучам апрельского теплого солнца. Настоящая деревенская тишина почти не нарушается огромным количеством военных, населяющих здешние деревушки. Эти люди в условиях войны — что-то среднее между вами, труженниками тыла, и нами. Они, извините за грубость, трутни, но ведь без трутней улей обойтись не может; точно так же без этих людей не может существовать воюющая армия. Они спят на хороших постелях, имеют временных жен, высыпаются, по

утрам пьют молоко, едят масло, катаются на велосипедах. Они пишут такие же письма с «фронта», и ничего не скажешь — они на Калининском фронте. Но не хотел бы я быть на их месте. Мне на днях одна девушка заметила: «Домой приеду, а о войне и рассказать нечего». Ты понимаешь, ведь они не видели немцев. Ну, я отвлекся, хотелось описать прифронтovou тыл. Тут тоже много опасности, и здесь, конечно, обидно оставить ноги или голову.

Вчера мы переходили на новое место и для сокращения пути пошли по глухой лесной дороге. Дремучий непроходимый лес, узенькая дорожка вся залита водой — здесь кругом вода. Дорога вся завалена деревьями, через каждые 50 метров завалы, заминированные нашими отступавшими прошлым летом войсками. Немцы завалы пропилили и по дороге ездили. Сейчас дорога залита водой, и мы шли по обочине, не обращая внимания на предостерегающие надписи «Мины!». Я и Лукинов шли впереди нашей группы метров за 30. Вдруг сзади взрыв, мы привыкли к этим звукам там, у себя, но здесь? «Откуда могут стрелять?» — спрашиваю я Лукинова. Нам кричат: «Мина, Федотов ранен!» Перепуганные, поворачиваем обратно, стараясь ступать по нашим старым следам. Не дошли пяти метров до лежащего в воде Федотова — снова оглушительный взрыв, сверху летит грязь и вода, обливая всех. Это

единственная наша лошадь встала на мину, и ей оторвало ногу — пришлось пристрелить. Федотова я перевязываю, у него обе ноги искромсаны. А затем по середине дороги, по колено в грязи, на самодельных носилках из свежих осинок мы тащили Федотова три километра до ближайшего поселка.

Видишь, Таська, это в тылу, а сколько лесных тропинок исходил я на линии фронта и никогда о минах не думал. Чем больше находишься на войне, тем пугливее становишься. А раньше я ходил в очках и смотрел только вверх.

Люди весьма трусливы, теперь их в лес не за-тащишь, и по таким дорогам они по собственной инициативе уже не пойдут. Неделю тому назад мы жили в лесу, в маленьком самодельном домике, и единственной неприятностью считали змей, которых здесь очень много.

В лесу я заметил, что совсем разучился смеяться. К нам зашла сестра из медсанбата, веселая, жизнерадостная девчонка Анрида (мать у нее гречанка), и мы с ней вместе много смеялись. Трудно передать легкость этого смеха. Но мы еще будем смеяться, только не знаю, увидимся ли с Сугдинским. Он пока в Москве, но собирается на войну. А если он будет воевать с автоматом в руках, то вы его не увидите.

Иногда получают сумбурные письма! А писать сел с удовольствием.

2.05.42

Привет из Ленинградской области! Много уже изъезжено и исхожено дорог, а десятая тысяча не кончается, что-то длинная она у меня получается.

Вчера было 1 мая! Я проснулся в 6 утра под каким-то грязным столом на заплеванном полу в первой попавшейся мне ночью избе. Выходило солнышко, на душе было легко и прекрасно, все гармонировало с природой, а 30 апреля был тяжелый напряженный день.

Мы на двух машинах поехали за снарядами на старые ОП (огневые позиции), которые находились у переправы на берегу маленькой речки. Подъехали и прикрыли машины елками, так как над нами кружилось три «Юнкерса» и как бы шныряли из одного конца неба в другой два «мессера». И вот один из бомбардировщиков, немного спустившись, увидел нас. Мы почувствовали это сразу, ибо он дает круг и идет прямо на нас на высоте 300—400 метров.

Таська, это красивое зрелище, ведь над нами не автомобиль, и не У-2, и даже не бомбардировщики, появляющиеся над Горьким на высоте один-два километра. Тут все близко, все видно! Мы разбежались вдоль речки, как сумели, и легли в ямки. Самолет дошел до нас и с крутого виража пошел вертикально в пики, одновременно летчик нажал на все кнопки пулемет-

тов и на держатели бомб. В этот момент, скажу прямо, внутри все замирает. А дальше случилось чудо, и не будь этого, снаряды мы бы не привезли. Из-за леса выскочили три наших, горьковских, курносых «ястребка». «Юнкерс» бросил две бомбы и пошел за горизонт, преследуемый нашими истребителями.

Вот видишь, даже и из беды свои самолеты выручили. В несколько минут побросали мы ящики на машины и обратно, правда, еще два раза самолеты загоняли нас в лес, но это ерунда.

А 1-го утром я уже был в 50 километрах от линии фронта и, сидя в кабинке шофера, глядел, как мелькают леса, болота, деревушки, а дорога уходила все дальше и дальше.

Таська, почему бывает иногда так хорошо?

Вечером было все так напряженно, а утром — яркое солнце, поют жаворонки, извилистая дорога то спускается в овраг, то поднимается, идет полем и все дальше и дальше от фронта.

В 12 часов мы остановились. Спрятали машины, помылись на речке, разожгли костерок и устроили первомайский обед. А к вечеру я уже в ста километрах от старых мест вместе с полком. Мы разделись, вымылись, и, сидя у костра, где варился обед, я с удовольствием курил махорку, а затем, лежа на траве, смотрел на заходящее солнце.

Приятно, даже очень приятно прошел первомайский праздник.

Интересно, а как Леля провел его?

II. Пусть бабка молится за меня

13.05.42

Северо-Западный фронт! Идет девятый месяц. Очень жалко, что все-таки начал я не с Южного фронта, ибо до Северного уже «рукой подать». Ну, какие изменения за восемь месяцев: я писал, что перестал смеяться и у глаз появилось по три маленькие морщинки.

Если вернусь домой, то смеяться буду, как и раньше, а морщинки — они останутся на память о настоящем. Вот 2 мая я написал хорошее письмо: так постараюсь из этих страшных мест писать хорошие письма. Во всем страшном есть своеобразная красота. Нельзя было бы даже предположить, побывав здесь раньше, что сюда докатится война.

Мы прошли по гати из бревен через огромные болота, тянущиеся на десятки километров.

Пока все! Идут самолеты.

Был перерыв на один час, я сидел под крутым берегом речки, по воде кругом шлепали осколки, на голову летела земля. Вначале это было даже интересно, а сейчас я устал, как и все вокруг меня. Бывает, целый день в себя не приходишь.

Мы под вечным гулом моторов и сидим то в канаве, то в воронке, прижимаясь к грязной земле. Заметьте, раньше я так не писал, раньше

я не реагировал сильно на самолеты. А сейчас получается что-то вроде лотереи на жизнь.

Отвлекли они меня от нити письма. Так вот, когда мы шли по этим болотам, было жутко смотреть по сторонам; кругом, уходя под мрачные своды деревьев, светится вода, местами она грязно-бурого цвета, местами ярко-коричневого, а где проточная — то черная, как темное пиво. На обочине дороги виден радиатор «Сталинца» — это мощный трактор, который легко вытаскивает из грязи 152-миллиметровые гаубицы, а здесь он не мог вылезти сам. Дальше, в ста метрах от дороги, лежит красивый трехмоторный «Юнкерс-52». Он не утонул, но ведь это и не трактор, он создан для воздуха. Их много здесь по болотам, и они уже никогда не поднимутся в воздух, даже если и не сильно повреждены. Идти можно только вперед или назад, и ни шагу в сторону. Сюда зашли дивизии — десятки тысяч людей, и мне все-таки кажется, что я выберусь отсюда даже при самом плохом варианте. Я недавно где-то прочел стихотворение:

*«Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждали, скажут —
Просто повезло!»*

Некому писать мне так, но из песни слов не выкинешь, и я постараюсь, чтобы мне повезло! Лето промелькнет быстро, а вот осени не хо-

чется, кажется, начинает сказываться усталость. Даже письма не пишутся.

Сегодня в первый раз увидел цветок, он рос рядом с дорогой, у полуразложившегося трупа лошади, но я его сорвал и принес к себе в блиндаж. В хатах мы больше не живем, но и в землю здесь закопаться нельзя, и это просто трагично.

Теперь несколько практических советов: пусть мама работу бросает, а то зимой пропадете. Она конца войны ждет, так пусть не спешит — он не близок. Второе — почему вы к военному магазину не прикрепились; если нужно справку, то пришлю. Третье — если кто фотографией занимается, пришлите карточки посмотреть.

Ну, все, писать кончаю, все время напряжен слух.

17.05.42

Тася, еще раз выкладываю мысли на бумагу, но делать это все труднее. Если приеду — расскажу.

Странно, как цепляешься за жизнь! Вот они, инстинкты, вот почему так размножаются люди.

Давно в Алма-Ате я прочел книгу и слал вам вырезки из нее. Там было написано, что в жизни каждого есть незабываемые дни — по два-три. Так один — это первый день на фронте. У меня такого не было. Где я попал на фронт? Встреча с первыми немецкими самолетами — это было за Волгой. Первые воздушные тревоги — где-то

в тылах. Правда, были тяжелые ноябрьские ночи, когда мы были в обороне на Западном фронте. По мрачному небу шныряли немецкие самолеты, а ночами слышна была артиллерийская канонада. Немцы с юга обходили Москву. Но это был не фронт. Под Холмом, на Калининском фронте, я увидел войну. Сначала было интересно. Я совсем не боялся самолетов, и друзья шутя говорили, что меня не из пулемета подстрелят, а самолет крылом убьет, ибо очки я не надевал, а они летали, задевая верхушки елок. А теперь я уже очков не снимаю и залезаю от самолетов во все канавы. Значит, хочется жить!

Писем часто не ждите, я уже больше никому не пишу. Опять идут самолеты, даже писать не дают. Это все, конечно, только морально действует — здесь лес, и найди-ка нас да попади-ка в нас. Это не просто.

До чего поганый май: грязь, дождь моросит без конца, идет уже вторая половина этого обычно прекрасного месяца. Мы снова куда-то переезжаем, до Старой Руссы осталось 30 километров, а Ржев и Демьянск с сидящими там немцами — сзади. Эстония уже недалеко, постараемся посмотреть и Прибалтику. Вот тогда я буду писать хорошие письма. А сейчас пусть мама кончает работать и едет в деревню. Скоро осень, и мне хочется домой — я это чувствую. Ведь уезжал с мыслями, что это на год, а не получается.

Ну, всего хорошего, привет всем. Я Леле желал на фронт попасть. Так пусть меня извинит, сегодня я ему этого уже не желаю.

25.05.42

Вот я снова пишу! Писать можно много и без конца, ибо время насыщено переживаниями. Когда-то Легочка писал, что рассказывать не о чем, все скучно и однообразно. Да, он по-своему прав, так как не был здесь и не знает, что вокруг творится. Слово «скука» не подойдет никак! Есть ударные части, и дивизия относится к ним. Сейчас в сводках пишут: «На фронте не произошло ничего существенного». Правильно! Части везде стоят в обороне, но мы всегда там, где наносится очередной удар.

На узком участке сосредотачиваются несколько стрелковых дивизий и бригад, и им придаются артиллерийские части и «катюши». На воздух взлетают сразу целые деревни. Небо, до того спокойное, покрывается самолетами, которые простреливают каждый кустик, бомбят каждую телегу. Земля дрожит, в полном смысле этого слова, от непрекращающихся разрывов бомб и снарядов. Такой ад продолжается недели две, а потом мы уходим с этих рубежей, где в обороне остается старая дивизия. Я два раза посещал прежние места: опять тишина, на уцелевших завалинках сидят вылезшие из погребов старики, дети, старухи. Они смотрят на заходящее солнце,